

УДК 902

**ОРУДИЯ ТРУДА В ПОГРЕБЕНИЯХ ПАЛАСА-СЫРТСКОГО
КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА IV–V вв.**

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-96500)

А.М. Абдулаев

Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

realhigh87@mail.ru

Аннотация: В статье впервые в историографии исследуется функциональное назначение орудий труда (ножи, пряслица, игольницы и др.) в составе погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. Автором установлено, что ножи помещались в могилы как личные вещи погребенных. Пряслица в могильных комплексах определяются как атрибуты языческих верований.

Summary: For the first time in historiography the author of the article researches the functional assignment of labour tools (knives, spindles, needle-holders, etc.) in the structure of the burial complexes of the Palassa-Syrt burial mound of the 4th-5th cc. The author has found out that knives were placed in the graves as the buried people's personal belongings. The spindles in the burial complexes are defined in the article as attributes of Pagan beliefs.

Ключевые слова: Паласа-сыртский курганный могильник, ножи, пряслица, орудия труда, погребальный инвентарь.

Keywords: the Palassa-Syrt burial mound, knives, spindles, labour tools, funeral inventory.

Паласа-сыртский курганный могильник IV–V вв. вместе с Паласа-сыртским поселением III–VI вв., расположенными на одноименной возвышенности Южного Дагестана, составляют единый

археологический комплекс, на материалах которого исследуются культура, быт, хозяйственная деятельность, ремесло, социальное устройство, погребальные обряды племен-мигрантов, обосновавшихся в этом регионе в эпоху Великого переселения народов (См.: *Гмыря Л.Б.*, 1993; 2005). Одной из фундаментальных проблем, связанной с процессом адаптации этнических сообществ к новым природным условиям в период обретения Родины, является определение значения ландшафтов этого региона в формировании материальной и духовной культуры и, как обратный процесс – выявление влияния жизнедеятельности населения на уникальный природный объект Паласа-сыртскую возвышенность.

На Паласа-сыртском поселении в 80-х гг. XX в. (раскопки Л.Б. Гмыри) на раскопе 1 площадью 136 кв.м в трехметровых толщах культурных слоев были выявлены значительные по объему предметы материальной культуры, свидетельствующие об обширной хозяйственной и ремесленной деятельности населения – большая коллекция керамики (свыше 11 тыс. фрагментов сосудов), предметов и орудий труда, имеются также и некоторые предметы вооружения. Наибольшим разнообразием отличаются орудия и предметы труда. Среди них выделяются изделия, использовавшиеся при переработке зерна (зернотерки, жернова, терочники, чашиступы), в производстве керамических сосудов (костяные лощила), обработке кожи и меха и изготовлении изделий из них (костяные лощила и проколки), плетении сетей узелковым способом (роговые иглы клиновидной формы с боковой выемкой), обработке цветных металлов (каменная форма с двусторонней матрицей для отливки металлических зеркал), а также применявшиеся при изготовлении изделий из кости (железные ножи) и в прядении и ткачестве (пряслица, роговые уплотнители нитей основы, глиняные грузила) (*Гмыря Л.Б.*, 1991. С. 182–189; 2001. С. 289–311).

Среди орудий труда наиболее распространенными видами были керамические пряслица, костяные проколки и роговые иглы клиновидной формы. На небольшом по площади раскопе 1 найдено 43 экз. игл, 53 экз. проколок и 48 экз. пряслиц.

При изготовлении пряслиц использовались различные материалы, чаще всего – фрагменты стенок керамических сосудов (тарных, столовых, кухонных), имеются экземпляры из речных гольшей подходящей формы, слюды, кости, а также вылепленные из глины и обожженные. В состав коллекции пряслиц входят 28 экз. заготовок – подготовленные к обточке оббитые стенки керамических сосудов и заготовки с обточенными краями, имеется заготовка с намеченным, но не просверленным отверстием, найден также обломок пряслица из сырой глины. Все эти данные свидетельствуют о том, что пряслица были необходимым орудием труда в домашнем производстве пряжи для жителей этого поселения.

Очень редкой находкой на поселении являются железные ножи, обнаружено 4 обломка лезвия ножей шириной 2,2–2,5 см.

Некоторые орудия труда находились и в погребальных комплексах Паласа-сыртского курганного могильника, но обращает на себя внимание тот факт, что погребений с включениями в инвентаре орудий труда очень мало. Из 150 раскопанных к настоящему времени погребений орудия труда находились в 26 (≈17%). В основном в могилах встречаются железные ножи (25 экз.), очень редко – пряслица (5 экз.), имеется один экземпляр кресала. Если значительная разница в представительстве на поселении и в погребениях железных ножей не вызывает удивления (ножи берегли, поломанные изделия шли в переплавку), то при обилии пряслиц на поселении наблюдается почти полное их отсутствие в инвентаре погребений. К настоящему времени известно только 5 экз. пряслиц, находившихся в 5-и могилах.

Вопрос о функциональном назначении орудий труда в погребениях Паласа-сыртского могильника в литературе не поднимался, хотя его рассмотрение имеет большое значение для характеристики не только погребального обряда, но и для понимания религиозных представлений, с которыми связана бифункциональность многих предметов быта населения.

Цель статьи состоит в рассмотрении функционального назначения орудий труда в погребениях Паласа-сыртского курганного могильника. В работе использованы опубликованные материалы Л.Б. Гмыри из раскопок 1981–1987, 2006–2013 гг., Н.О. Цилоссани из раскопок 1880 г., В.Г. Котовича из раскопок 1953 г., а также архивные данные из раскопок В.Ю. Малашева 2010 г. и Л.С. Ильюкова из раскопок 2008 г.. Выражаю благодарность В.Ю. Малашеву за разрешение опубликовать рисунки пряслица и ножей из раскопок 2010 г.

Ножи (25 экз.) найдены в 25-и погребениях*[*В погребениях, раскопанных В.Ю. Малашевым в 2008 г., имелись ножи, но в публикации нет их описания и количественных данных (См.: *Гугуев Ю.К. и др.*, 2010. С. 283)]. Большинство изделий – целые, но имеются и обломки (4 экз.). Ножи относятся в основном к одному типу, их отличительными признаками являются прямые лезвие и спинка (Рис. 1,1–6), у некоторых экземпляров при прямом лезвии спинка слегка изогнута (Рис. 1,7–12). Места находок: курганы №№ 7, 10, 28, 39, 43, 49, 51, 52, 56 (раскопки Л.Б. Гмыри 1981–1985 гг.), 72, 76, 78 (раскопки Н.О. Цилоссани 1880 г.) (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 57; 63. Рис. 10,5; С. 70. Рис. 11,7; С. 82. Рис. 16,9; С. 91. Рис. 20,4; С. 98. Рис. 21,6; С. 101. Рис. 22,6; С. 104. Рис. 24,3; С. 106. Рис. 25,9; С. 114. Рис. 26,12; СС. 126, 128, 129), курган № 248 (раскопки Л.Б. Гмыри 2011 г.) (*Гмыря Л.Б.*, 2011. С. 144. Рис. 10,1), курганы №№ 254, 257 (раскопки Л.Б. Гмыри 2012 г.) (*Гмыря Л.Б.*, 2012. С. 146. Рис. 3,1; С. 153. Рис. 8,4), курган № 270 (раскопки Л.Б. Гмыри 2013 г.) (*Гмыря Л.Б.*, 2013. С. 145. Рис. 11,3–4), курган № 123 (раскопки Л.Б. Гмыри 2008 г.) (*Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б. и др.*, 2008. С. 142. Рис. 3,2), курганы №№ 43, 44, 147, 166 (раскопки Л.С. Ильюкова 2008 г.) (*Ильюков Л.С.* Отчет за 2008 г. Рис. 49,1; 70; 234,1; 366,1), курганы №№ 899, 1244 (раскопки В.Ю. Малашева в 2010 г.) (*Малашев В.Ю.* Отчет за 2010 г. Рис. 23; 52). Ножи с прямыми лезвием и спинкой, по мнению М.П. Абрамовой, наиболее характерны для памятников Северного Кавказа первых веков н.э. (*Абрамова М.П.*, 1993. С. 81).

В погребении кургана № 193 (раскопки Л.Б. Гмыри 2006 г.) был выявлен еще один тип ножа – со слегка изогнутым серповидным лезвием (Рис. 7,13) (*Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б. и др.*, 2006 С. 100. Рис. 7,11). Подобная форма ножей преобладает в погребениях кургана-кладбища Львовский Седьмой, относящихся к раннесарматской эпохе, материалы этого памятника пока не изданы. В единичных случаях ножи с изогнутым серповидным лезвием встречаются в погребениях могильников Львовский Первый-4 (к. № 66) и Львовский Шестой (к. № 16) (*Абрамова М.П. и др.*, 2000. С. 40. Рис. 52,4; 2004. С.15. Рис. 22,3,4).

У большинства ножей из погребений Паласа-сыртского могильника сохранились черенки для насадки рукояти, на некоторых из них имелись заклепки (3 бронзовых, 5 железных и 1 серебряная) для ее крепежа. Рукояти были в основном деревянные, а в одном случае – костяная (к. № 11). Довольно интересен нож из погребения кургана № 899 (раскопки В.Ю. Малашева 2010 г.), на черенке которого сохранились истлевшие остатки деревянной рукояти, а на лезвии – остатки кожаной обкладки ножен (Рис. 1,12) (*Малашев В.Ю.* Отчет за 2010 г. Рис. 23).

Размеры ножей Паласа-сыртского могильника – небольшие, длина их лезвий варьирует от 7,7 до 12 см, ширина в среднем 2 см, длина черенков 2–3,5 см.

Местонахождение ножей в погребениях устанавливается в 18 случаях. Оно довольно разнообразное: ножи лежали у черепа (к. № 10, п. 1; кк. №№ 72, 76, 270); у плечевых костей, чаще слева (кк. №№ 11, 52, 80, 257), реже справа (к. № 49); у кистей рук – правой (кк. №№ 7,51) и левой (к. № 43); справа от шейных позвонков (к. № 78); на реберных костях слева от позвоночника (к. № 28); у лучевой кости левой руки (к. № 193); между бедренными костями ног (к. № 123); у бедренной кости правой ноги (к. № 254). Следует также отметить, что в отличие от других погребальных памятников кочевников первых веков нашей эры, где ножи находят чаще вместе с остатками заупокойной пищи, в миске или рядом с ней, где находились кости животных, то в погребениях Паласа-сыртского могильника пока нет ни одного подтвержденного факта о наличии заупокойной пищи. Тем самым наличие ножей в погребениях Паласа-сыртского курганного могильника является специфической чертой погребального обряда племен-мигрантов плато Паласа-сырт.

В тех случаях, где был определен пол погребенного, ножи чаще всего находились в мужских погребениях (12 случаев), но иногда они встречались и в женских погребениях (5 случаев). Примечателен тот факт, что все 5 женских погребений, где были найдены ножи, сопровождались достаточно богатым погребальным инвентарем.

Пряслица (5 экз.) были найдены в 5 погребениях: курганы №№ 76, 80 (раскопки Н.О.Цилоссани 1880 г.), курганы №№ 142, 255 (раскопки Л.Б. Гмыря 2008, 2012 гг.) и курган № 1078 (раскопки В.Ю. Малашева 2010 г.). О пряслицах из курганов №№ 76, 80 нет почти никакой информации, автором отмечено, что пряслице из кургана № 80 было сделано из глины, а также указано их месторасположение (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 128, 131, 240). Пряслице из кургана № 142 было утолщено-цилиндрической формы, оно сделано из камня сланцевой породы. Диаметр пряслица 4,5 см, диаметр отверстия 0,7 см, толщина 1,2 см. Отверстие чуть смещено от центра (*Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б. и др.*, 2008. С. 97. Рис. 2,7). Пряслице из кургана № 255 сделано из мелкозернистого песчаника светло-желтого цвета, оно также утолщено-цилиндрической формы, при этом одна сторона толще другой – 0,8 см и 1,1 см. Это изделие ручной работы, его боковая часть обработана прерывистыми участками, отверстие смещено от центра. Диаметр пряслица 4,2 см, диаметр отверстия 0,9 см (*Гмыря Л.Б.*, 2012. С. 149. Рис. 5,3). Отличается от всех выше перечисленных глиняное пряслице из кургана № 1078 – оно усечено-конической формы, диаметр верхнего края 1,1 см, нижнего 2,3 см, диаметр отверстия 0,6–0,7 см, толщина 1,7 см (*Малашев В.Ю.*, 2010. Рис. 39,4).

Все 5 пряслиц найдены в женских погребениях. Местоположение удалось определить в 3 случаях: пряслица лежали справа у черепа (к. № 76), у плечевой кости правой руки (к. № 80) и плечевой кости левой руки (к. № 142).

Игольницы (4 экз.) были найдены в 4-х погребениях (кк. №№ 22, 58, 63, 142), 3 из них были железные, одна – бронзовая. Одна из железных игольниц сохранилась фрагментарно (к. № 58). Железные игольницы представляют собой трубочки с распаянным краем (длина 6–7 см, диаметр 0,7–1 см), внутри которых находились окисленные железные иглы (Рис. 1,14–15) (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 78. Рис. 15,7; С. 115, 240; *Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б. и др.*, 2008. С. 97. Рис. 2,4). На игольнице из погребения кургана № 22 имелись отпечатки ткани (*Гмыря Л.Б.*, 1993. С. 78. Рис. 15,7). Бронзовая игольница (к. № 63) была сделана из двух бронзовых трубочек (длина 7 см, диаметр 0,8–1 см), соединенных шестью узкими пластинками, она была снабжена двумя петельками для подвешивания (Рис. 1,16) (*Котович В.Г.*, 1959. С. 151. Табл. XIII,20; *Гмыря Л.Б.*,

1993. С.240). Аналогичные игольницы были найдены в погребениях Верхнечирюртовского I грунтового могильника V–VI вв. н.э. (*Путинцева Н.Д.*, 1961. С. 259. Рис. 11,5).

Местонахождение игольниц в погребениях удалось определить в трех случаях, две из них находились на левой тазовой кости (кк. №№ 22, 63), одна – у кисти правой руки (к. №142). Во всех трех случаях игольницы находились в погребениях женщин.

В погребениях также были найдены и иглы. В погребениях курганов №№ 78 и 80 (раскопки Н.О. Цилюсани) были найдены железная и бронзовая иглы, хотя возможно, что это были детали фибул. В погребениях 1–2 кургана № 150 (раскопки Л.С. Ильюкова) были найдены фрагменты железной и бронзовой игл (Рис. 1,17–18).

Кресало (1 экз.) находилось в погребении кургана № 257 (*Гмыря Л.Б.*, 2012. С. 153. Рис. 8,2). Это было кремневое кресало удлинённой формы со следами обработки поверхности и накипью железных окислов на одном из концов от лежавшего рядом железного предмета. Его размеры: длина – 4,7 см, ширина головки – 1,7 см, ширина рабочей чести – 0,9 см (Рис. 1,19). Кресало вместе с железным предметом лежало у плечевой кости левой руки погребенного в шаровидном конгломерате из мелкозернистого цементированного песка (*Гмыря Л.Б.*, 2012. С. 153. Рис. 7,3).

Определение функционального назначения железных ножей в погребальном инвентаре захоронений Паласа-сыртского могильника решается неоднозначно. Как отмечалось, четкой системы, которую можно было бы связать с канонами традиций погребения населения плато Паласа-сырт, по отношению к этому предмету погребального инвентаря не просматривается. Отчетливо не выражен гендерный принцип. Ножи находятся обычно в погребениях мужчин, но не во всех. Их местонахождение относительно погребенного – разное. Ножи имеются и в тех редких погребениях, в которых представлены предметы вооружения. К примеру, в погребении кургана № 166 помимо длинного меча и короткого меча (кинжала) имелся также небольшой железный нож, который лежал под кинжалом, но его штырь для рукояти был направлен в противоположную от рукояти кинжала сторону (*Ильюков Л.С.*, Отчет за 2008 г. С. 65. Рис. 350,4). Нож лежал на левой тазовой кости, в то время как рукоять кинжала находилась над крестцом, а сам кинжал был направлен острием к левой руке погребенного.

Как отмечалось, ножи входили в состав погребального инвентаря также и женщин, занимавших высокое социальное положение. К примеру, в погребении кургана № 193 в пространстве между левой рукой и нижней частью туловища находились поясная железная пряжка, серебряное зеркало с центральной петлей и ближе в руке – железный нож, направленный рукоятью вверх. На штыре сохранилась серебряная заклепка для крепления рукояти (*Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б. и др.*, 2006. С. 142. Рис. 5,6). По заключению Л.Б. Гмыри, пояс вместе с подвесками (ножом и зеркалом) не был закреплен на одежде погребенной, а был положен около нее (*Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г.*, 2007. С. 165).

Существует ряд версий относительно функционального назначения инвентаря в погребениях. Одна из самых распространенных – в могилы клали вместе с умершим предметы, которые ему могли пригодиться в ином мире (посуда – для еды, оружие – для сражений, орудия труда – для занятий хозяйством), исходя из оценки религиозных верований населения древности. По мнению Л.Б. Гмыри, на Паласа-сыртском могильнике, инвентарь которого включал керамическую посуду, предметы декора костюма погребенных, некоторые орудия труда, в редких случаях – предметы вооружения, в могилы помещались личные вещи умерших, т.к. они являлись символами самого человека как при жизни, так и после смерти (*Гмыря Л.Б.*, 2012. С. 167). Эта концепция

подтверждается разнотипностью керамических сосудов в погребениях в пределах одной социальной группы захоронений, наличием на многих из сосудов следов долгого использования в быту, помещением в могилы металлических украшений со следами ремонта и даже поломанных. Исходя из приведенных фактов, можно заключить, что ножи не имели специального функционального назначения в погребальной обрядности населения плато Паласа-сырт, а их включение в погребальный инвентарь было связано с принадлежностью к личным вещам погребенных.

Что касается пряслиц, которые выявлены, как отмечалось, в единичных погребениях женщин Паласа-сыртского могильника, то их функциональное назначение в погребальном инвентаре нельзя объяснить как личную вещь умершей. Как было показано, прядение и ткачество были одними из распространенных видов домашнего ремесла населения Паласа-сыртского поселения. Вероятно, прялка была в каждом доме, но из 150 погребений могильника, пряслица представлены только в 5-и погребениях (3,3%). Такая же тенденция зафиксирована и в культуре Хазарского каганата. С.А. Плетнева отмечала: «В отличие от ножей пряслица очень редко попадали в могилы. Зато они в большом количестве найдены на поселениях...» (Плетнева С.А., 1963. С. 153). В погребениях кочевников низовий Сулака (Львовский Первый-2, Львовский Первый-4, Львовский Шестой, Кох-Тебе 2) позднесарматского времени (217 погребений) пряслица выявлены в 23 погребениях (10,6%) (Абрамова М.П. и др., 2000; 2004; Малашев В.Ю. Отчет за 2009 г.). В тоже время в погребениях оседлого населения Приморской зоны Дагестана картина иная. К примеру, на Дербентском грунтовом могильнике II–IV вв., где раскопано 6 погребений, пряслица находились в 2-х погребениях женщин высокого социального статуса (п. №№ 1–2), причем в одном из них было 3 пряслица (п. 1), в другом – 7 пряслиц. Одно пряслице было украшено солярным орнаментом (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1991. С. 90. Рис. 3,18–20; С. 93. Рис. 6,19–25).

Предварительный анализ ситуации с пряслицами в погребениях кочевых племен позднесарматского времени и эпохи Великого переселения народов (конец IV – первая пол. V в.) с территории Дагестана показывает, что эти предметы труда не являлись характерным видом погребального инвентаря. Это дает основание полагать, что пряслица в могилах выполняли особую функцию. Их владельцы, возможно, использовали их при жизни как атрибуты религиозных верований.

Пряслице (веретено) во многих культурах мира наделено бифункциональностью, т.е. не только практическими свойствами, но и символизацией. К примеру, в греческой мифологии судьба человека соотносится с нитью, с которой богини судьбы проводят манипуляции (одна прядет нить из пряжи, другая проводит ее через превратности судьбы, третья перерезает ее, обрывая жизнь человека (Топоров В.Н., 2000. С. 344). Прялка символизирует во многих мифологиях время и творение. Это – атрибут всех богинь прядения, вязания и судьбы, символ женской работы (Купер Дж., 1995. С. 260–261).

Какая символизация прялки (пряслица, пряжи) была у племен-мигрантов плато Паласа-сырт, пока точно определить нельзя. Но учитывая, что в быту было широко развито прядение из пряжи животного и растительного происхождения, а также ткачество и вязание сетей узелковым способом, символизация прялки могла включать растительное и животное плодородие, а также нить жизни (судьбы) и превратности жизни (движение вперед, возвращение назад, переплетение событий, их связь и неизбежность предначертанного). Новые находки на могильнике, возможно, раскроют эту часть сакральной жизни населения долины р. Рубас.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV н.э.). М.: Институт археологии РАН, 1993. – 240 с.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-2. М.: Институт археологии РАН, 2000. – 140 с.

Абрамова М.П., Красильников К.И., Пятых Г.Г. Курганы Нижнего Сулака: Могильник Львовский Шестой. М.: Наука, 2004 – 143 с.

Гмыря Л.Б. Орудия труда Паласа-сыртского поселения (по материалам раскопок 1985–1987 гг.) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Сб. трудов. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР, 1991. С. 182–189.

Гмыря Л.Б. Античные параллели в материальной культуре населения Западного Прикаспия (специфические атрибуты) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. М.–Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского государственного университета, 2001. С. 289–312.

Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003. – 367 с.

Гмыря Л.Б. Кувшины с желобчатой поверхностью Паласа-сыртского поселения // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сб. статей, посв. 70-летию со дня рожд. проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала: Изд. Дом «Эпоха», 2005. С. 147–165.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы № 2 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 3. С. 130–159.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 3. С. 143–189.

Гмыря Л.Б. Исследование обособленной курганной группы № 4 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 4. С. 130–185.

Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV–V вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы межд. научн. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала: Изд. Дом «Мавраевъ», 2007. С. 160–173.

Гугуев Ю.К., Магомедов Р.Г., Малашев В.Ю., Фризен С.Ю., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Исследование курганов южной группы Паласа-сыртского могильника в 2008 г. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2010. С. 283–299.

Ильюков Л.С. Отчет об исследовании курганов Паласа-сыртского могильника в Дербентском районе Республики Дагестан в 2008 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Даг.ФАН СССР, 1959. С. 121–156.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Сб. трудов. Махачкала: Институт истории, языка и литературы ДНЦ АН СССР, 1991. С. 87–115.

Купер Дж. Прялка // Энциклопедия символов. Серия «Символы». Кн. IV, М.: Изд-во Ассоциации духовного единения «Золотой век», 1995. С. 260–261.

Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б., Хангишиев Г.Д., Бакушев М.А., Саидов В.А. Раскопки Паласа-сыртского могильника в 2006 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2006. № 3. С. 137–154.

Магомедов Р.Г., Гмыря Л.Б., Абиев А.К., Будаичиев А.Л., Гамидов А.К. Раскопки Паласа-сыртского курганного могильника в 2008 г. (курганы №№ 142, 123, 21) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2008. № 3. С. 94–106.

Малашев В.Ю. Отчет об исследованиях курганного могильника Паласа-сырт в Дербентском районе и курганного могильника Кох-тебе2 в Бабаюртовском районе РД в 2009 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

Малашев В.Ю. Отчет об исследовании 1-го Паласа-сыртского городища и курганов Южной группы Паласа-сыртского могильника в Дербентском районе РД в 2010 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967, – 196 с.

Путинцева Н.Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Даг. ФАН СССР, 1961. С. 248–264.

Топоров В.Н. Пряжа // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Второе издание. М.: Научн. изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2000. С. 343–344.